

На обратном пути домой позвонил брат: родился племянник. Здоровый, крепкий малыш, с радостным криком явившийся в этот мир.

Связь в метро была ужасной, голос брата доносился урывками, но даже сквозь помехи в его радости отцовства пробивалось беспокойство за меня, скитающуюся вдали от дома.

— С работы уже идешь? Купи себе чего-нибудь вкусного, следи за здоровьем, слышишь?

— Обязательно, не переживай за меня.

О маме он не проронил ни слова — по-видимому, обида все еще гложет его сердце. А рождение племянника, вероятно, лишь усилило его тревогу за мое будущее, которое ему видится одиноким и безрадостным.

Что ж, лучше и не упоминать об этом.

Вернувшись в жилой комплекс, я с удивлением обнаружила, что заказанный велосипед уже доставили. В мегаполисе, если работа не слишком далеко, велосипед — лучшее средство передвижения. Это означало, что мне больше не придется каждое утро терпеть мучения в набитых вагонах метро, словно сельди в бочке.

— Манман, я вернулась! — я вошла в квартиру и, наклонившись, чтобы снять обувь, увидела, как навстречу мне бросилась Манман, радостно кружась вокруг. — Поняла, поняла, сейчас пойдем гулять.

Говорят, шпицы не отличаются высоким интеллектом, зато обладают развитым эмоциональным интеллектом, и, похоже, это правда. В свое время она привыкла к новому имени всего за одну ночь, и я почти готова была назвать ее гениальной собакой, пока не поняла: если с ней обращаться ласково, она прибежит, даже если назовешь ее хоть Иваном, хоть Петром.

Манман, Манман... как долгий путь, как заветная мысль, как единственный мой близкий друг и спутник. Я пристегнула поводок и вышла на улицу. Неподалеку девушка из чайной лавки громко окликнула меня:

— Девушка, снова на прогулку с собакой?

Мы познакомились, потому что я часто заходила к ней. В свои двадцать с небольшим она была общительной, с острым язычком и чутким сердцем — совсем не то, что я: старая душой и с израненным сердцем.

Черная оправа очков, высокий хвост, стоптанные тапочки и неизменный клубничный чай каждый вечер, невзирая на погоду — неудивительно, что она меня запомнила.

— Опять клубничный? Вам не надоедает пить одно и то же?

Разве может надоесть? Это был ее любимый вкус, вьевшийся в самую память. Клубничные тарталетки и чай, лимонный ополаскиватель для рта, тонкий аромат лотоса от Issey Miyake. Я человек неприхотливый и не склонна к переменам: если к чему-то привыкну, буду хранить верность этому до конца.

Я молча улыбнулась, и она понимающе кивнула. Протянув мне чай, она принялась заигрывать с Манман:

— Хорошая собачка, ну же, гавкни! Хорошая собачка! — через мгновение она сдалась и выпрямилась. — Какая же она спокойная, никак не заставить ее подать голос.

Манман долго жила со мной и постепенно переняла мои привычки домоседки: крепко сжимала свою гордую пасть и не любила лаять, даже если вокруг было шумно. Это лишь подчеркивало мою глубокую, вьевшуюся в кости тоску.

— Девушка, ваш парень, наверное, очень занят? Почему вы каждый день одна?

Я удивленно подняла брови. Заметив мое недоумение, она поспешила добавить:

— Наверное, занят зарабатыванием денег? Такую дорогую квартиру обычному человеку не потянуть.

Квартиру, в которой я сейчас живу, нашла Чжунся. Ее родственники всей семьей эмигрировали в Канаду. Сначала я думала, что это обычное жилье, но оказалось, что это роскошные апартаменты площадью почти двести квадратных метров, с изысканной отделкой и элегантной мебелью.

— Квартира все равно пустует, считай, что делаешь мне одолжение, присматривая за ней, — Чжунся была непреклонна и отказалась брать с меня плату за аренду.

— По крайней мере, коммунальные услуги я буду оплачивать сама. Иначе я немедленно съеду и найду себе другое жилье.

Возможно, для других это сущие копейки, но мне важно чувствовать себя здесь полноправной хозяйкой. А эта девушка явно решила, что я — содержанка, которую спрятали здесь от чужих глаз.

— Квартира арендована, и парня у меня нет.

— Как же так?

Допив чай, я повела Манман домой. Пусть думает, что хочет.

Летом темнеет поздно, и почти в восемь вечера небо еще светлело. Я долго стучала по клавишам компьютера, прежде чем вспомнила о голоде. К счастью, на углу работал круглосуточный магазинчик.

— Опять цыпленок с грибами? — продавщица, женщина лет пятидесяти, любила поболтать и обладала отличной памятью: после третьего посещения она уже считала тебя постоянным клиентом и была невероятно радушна.

Я кивнула, наблюдая, как она ловко достает контейнер и ставит его в микроволновку.

В ожидании я привычно погрузилась в свои мысли, пока не раздался звонок. В магазин вошла высокая худощавая девушка в черном рюкзаке, не снимая мотоциклетного шлема. Она подошла ко мне.

— Дайте мне тот, с брокколи.

— Будете греть здесь или с собой?

— С собой. — Девушка пошарила в кармане брюк, замерла, потом полезла в другой.

— Ладно, не надо.

Прошло не больше десяти секунд, как она развернулась и поспешно вышла.

— Забыть кошелек, даже когда идешь за едой... Эх, молодежь, — добродушно усмехнулась женщина, доставая мой обед. — Осторожно, горячо.

— Спасибо. — Я расплатилась, и мой взгляд задержался на чем-то, напомнившем мне ту самую улыбку, легкую, как туман. Как печально: мы были вместе два года, но были настолько невнимательны, что не осталось ни одной совместной фотографии. Она не любила фотографироваться, да и осторожность брала свое, поэтому мне оставалось лишь изредка снимать ее украдкой, а потом тайком распечатывать снимки.

Пальцы непроизвольно сжались. Прежнего облика, прекрасного, как картина, давно нет, а старая любовь осталась по ту сторону бурных лет. Горы и воды видны вдаль, но встречи больше не будет.

Поев и вернувшись домой, перед сном я люблю бродить по сайтам, просматривая новости. Свой блог, который я завела пять лет назад, я на какое-то время забросила, но после нашего расставания начала вести снова. Мудрецы были правы: боль — источник вдохновения, а

счастье заставляет забыть обо всем на свете.

С той первой ночи прошло уже почти семьсот записей. Я назвала этот цикл Тысяча и одна ночь. Чжунся как-то с любопытством спросила: не брошу ли я писать, когда дойду до тысячи первой ночи?

Честно говоря, я и сама не знаю. Что тогда будет? Я уже не молода, и душа моя постарела еще сильнее. Это просто попытка в последний раз проявить своеволие, ухватившись за хвост уходящей юности. Я всегда знала: эта женщина — мое счастье, если я ее обрела, и моя судьба, если я ее потеряла.

Звук клавиш эхом отдавался в пустой квартире, а Манман мирно спала у моих ног.

Ночь шестьсот восемьдесят шестая.

Струны гуслей серебром звенят, благовония в форме сердца сгорают дотла. Время быстротечно, оно оставляет нас позади, окрашивая вишни в красный, а листья банана — в зеленый.

Этот путь в тысячу ли кажется то ли только начавшимся, то ли уже завершенным.

Ты ушла, оставив меня одну сторожить брошенное прошлое. Ты никогда не увидишь этих строк, рожденных для тебя. Те старые обиды, что я никак не могу забыть, для тебя — лишь пыль минувших дней, что угасла вместе с той багровой летней ночью.

День моего рождения с тех пор стал днем поминовения любви.

Я часто думаю: если бы жизнь была такой, как в момент первой встречи, как было бы хорошо? Не пришлось бы сталкиваться с болью и неловкостью расставания, а лишь смаковать то первое, робкое чувство. Согласилась бы ты со мной?

Если когда-нибудь мы встретимся в людском потоке мегаполиса, и если я решу отступить — пожалуйста, умоляю, оклики меня. Воспоминания живы, но время уже взрастило цветы смерти, и я боюсь, что та, которую я помню, больше не ты. И как же это отчаянно больно.

<http://bllate.org/book/20770/2084017>